

Почва дороже золота

АКТУАЛЬНОЕ ИНТЕРВЬЮ

ПРОДОЛЖЕНИЕ. НАЧАЛО СТР. 1

Агрохимической службе России в апреле этого года исполнилось 55 лет. Как люди приходят в эту профессию и почему остаются? На эту тему мы говорим с Федором Петровичем Кузьмичевым, начальником ФГБУ «Государственная станция агрохимической службы «Саратовская».

– Как оказались в Саратове?

– Меня пригласили сюда работать весной 1997 года.

– Станция всегда так называлась?

– Менялись лишь буквы, а суть оставалась той же.

– Федор Петрович, поделитесь секретом, как в течение 22 лет находить на одном и том же месте и не потерять интереса к работе? Или все-таки было желание сменить должность?

– Нет. Никогда. Я, в принципе, как и мой друг, Алексей Викторович Седов, воспитанник советских времен. Привык ставить перед собой задачу и ее добиваться. Пока учился в институте, приезжал – во всех посевных участвовал, на комбайнах на всех уборках. Видел, как трудятся специалисты в хозяйствах, и думал: «Сработаю не хуже того же главного инженера, а может, и лучше». Поэтому, когда в Саратове на курсах повышения квалификации спрашивали, кто хочет быть руководителем, отвечал: «Я буду!». Все помалкивали, а я хотел, мне нравилось, интересная работа. Потому что сам решение принимаешь, от тебя всё зависит, а не от кого-то другого.

– Никогда бы не подумала, что ты честолюбивый человек.

– Это я с виду спокойный, а внутри совершенно другой. С моим характером тяжело было работать в советское время. Где бы ни начинал, везде начинал со скандала. Каждый свое «я» хотел показать: «Это сделай так, это сделай эдак...». А я свою точку зрения отстаивал. «Тогда ты нам не нужен», – говорили. Ну не нужен, так не нужен. Уйди!

Так было и когда главным специалистом ставили. А когда директором стал, так наш глава Вениамин Антонович Добижа, царствие ему небесное, меня прямо в первую неделю снимать начал. Я не неделю, а месяц уже проработал, и за это время было столько сделано, что мне даже жалко стало уходить. Говорю ему: «Зачем вы меня увольняете, у первого секретаря сидели, сутками меня держали в приемной, чтобы я согласился идти на эту должность?».

– Раньше без членства в КПСС карьеру было сделать невозможно?

– Я вступил в партию, когда она уже разваливалась, в самый последний момент. До сих пор партийный билет есть, хотя ни одного взноса не заплачено, потому что я только вступил, и партию разогнали...

В принципе, работать было можно и в то время. Даже в 1996 году, когда все разваливалось, я в своем хозяйстве покупал технику. Конечно, денег не было. Перешли на бартер, людям трудодни начисляли. Но все было четко поставлено; отслеживалось, кто добросовестно работает, кто провинился, прогул совершил и все прочее. Когда в конце года приходил за расчетом механизатор, ему было положено 8 голов рогатки, 30 голов овцы, 30 тонн зерна... Людям нормально жилось даже в тех условиях. На машдворе было 150 комбайнов, тракторов...

И еще. Тогда всех учили работать, как положено. Наш первый секретарь Геннадий Васильевич Гамаюнов был сильным агрономом, а Гулаг Вячеслав Павлович был председателем зе-

мельного комитета. Они ревновали друг друга, поэтому я приглашал по очереди то одного, то второго. Они мне говорили так: «Да, у нас зона рискованного земледелия, основной лимитирующий фактор – это влага. И эту влагу надо как-то сохранять». Естественно, тогда заставляли еще пары пахать, это считалось как-то невыгодно. Но они учили: «Самое основное все накапливается в парах: и влага, и элементы питания. Надо туда запахать все – навоз, солому, и удобрения все применять». С удобрениями у меня не сильно получалось, зато все хорошо было с обработкой. Мы пары доводили до идеального состояния! Заезжаем в поле – а там вострещ, злак такой, чуть ли не по колено стоит! За сезон где-то от 6 до 8 раз культиваторами все это дело убирали.

Озимые посеешь, после них сорняк опять прет, тогда землю повторно в пар пускали. Пар должен быть настоящим, не такой, как сейчас... Пар – это когда последним в поле по севообороту должен быть ячмень. Он первым скашивается, первым пахнется. Пары должны быть паханы в августе месяце, когда еще активны все микроорганизмы, когда в почве идут микро биологические процессы, когда высвобождаются недоступные элементы питания в доступные. Тогда это – настоящий черный пар!

А если сейчас пар после подсолнечника, который в лучшем случае зимой убираем, а в худшем – весной пашем, и потом их обрабатываем. Это уже не пар, там никаких процессов не произошло, ничего там никакуда не перешло, ничего не подготовилось. Та же солома в поле и пожнивные остатки – они не перегнили, потому что никто с ними не работал.

А раньше в севообороте обязательно должно было быть 25% паров. Вот мы и держали 4 тысячи гектаров ячменя. Даже если ты их не успевал вспахать, засеивали их ячменем стерневыми сеялками, и мы знали, что на следующий год это будет паровое поле.

Когда уже здесь, в Саратове, работал, от министерства сельского хозяйства меня частенько посылали в Озинки. Я в свое бывшее хозяйство приезжаю и вижу, что в поле не та культура посеяна. Агрономом у меня был будущий начальник управления сельского хозяйства Аюпов. Говорю ему: «Саша, а зачем ты здесь сеешь пшеницу? Здесь ячмень должен быть!» Он: «Да вот, мы приняли решение...» Зачем вообще ломали эту всю систему? Было все уже отлажено!

В принципе, из-за этого подхода и узнали про меня в области... Просто приезжал в хозяйство губернатор Дмитрий Федорович Аяцков, с ним Добижа, с тем мы все время были в контактах.

Уже в конце моей тамошней карьеры, я еще какое-то время руководителем дорабатывал, как-то сидим на пруду за рюмкой чая, и Добижа ни с того ни с сего говорит: «Я думал, у Кузьмичева давно все развалилось, а вот сейчас заехал, а в хозяйстве все процветает. Спасибо за работу».

– Оценил все-таки.

– Да, оценили. Когда я уже район возглавлял, заместителя председателя правительства области Борис Зямович Дворкин заявил: «Вот вы там, в Озинках, все работать не хотите...». Я возмутился и говорю: «Борис Зямович, давайте поедим и посмотрим, как работаем». Он согласился, приехал. Я его на границе встретил, и прямо полями поехали в хозяйство. Едем и – пары. Как раз уже сеять озимые начали – они черные стоят! Шел 1996 год. За сезон ни одного дождя, все лето – температура плюс 41. Он говорит: «Вот какая жара, даже сорняк не растет!» Я возразил: «Нет, Борис Зямович, влага есть, люди-то работают, а вы говорите – все лодыри...». Он

– водителю: «Давай монтировку!» Я говорю: «Не надо монтировки...», пошел, носком ботинка – раз! И влага – вот она! На 6-7 сантиметров вниз – влага, и это когда жара, ни одного дождя и плюс 41°C каждый день!

Едем дальше – поле твердой пшеницы. Подъезжаем к комбайну. Как раз Петр Сергеевич Новиков, депутат областной думы первого созыва был. Залез в бункер, набрал горсть зерна, потом в салон засунул: «Во, видишь, какие у тебя там потери!» Пошутил. А там зерно размером с ноготь! Да такое прозрачное, как янтарь. Мы его всегда первым классом сдавали. Борис Зямович заплакал и говорит: «Я теперь считаю, что степняк – это как сибиряк!» Синонимы.

Вот так вот! Даже в тех, полупустынных, условиях люди работали, соблюдали всю агротехнику и получали достойные урожаи. А сейчас урожай озимых – 5 ц/га или пусть 10 ц/га даже – смешно! И это в тех районах, на правом берегу, где влага есть. Мы недавно были, например, в новобурасском «Штурме»: кто нормально работает, тот 45 центнеров получает, а кто не работает, тот 5 центнеров, тут же, рядом. Потому что упростили технологию на нет. Поэтому я против нулевых технологий. Всякую чушь выдумывают, лишь бы только не работать. В Пензу ездили на совещание, нас возили в хозяйство, где не пахнут...

Вот у моего отца была поговорка: «Так не бывает: удавил Отелло жинку, а сам стоит, спивает!»

– К Шугурову?

– Не помню. Он не пашет, и у него все нормально. Ученые выступают, поддерживают. Я сказал: «Ну ладно, мужик бы какой-нибудь говорил, но вы же – ученые!» Вот у моего отца была поговорка: «Так не бывает: удавил Отелло жинку, а сам стоит, спивает!» Если растение расходует элементы питания – значит, оно где-то же должно его взять. И если ты не задал корма в виде удобрений, то растение, естественно, взяло питание из почвы, потому что из ничего не может быть что-то.

А товарищ рассказывает: я не пашу, поэтому на моих полях нет плужной подошвы. А это значит, что капилляры, которые идут сверху, не разрушаются, и элементы питания из нижних слоев поднимаются наверх, в корнеобитаемый слой. Даже пусть это так, хотя подниматься может только нитратный азот, остальные (фосфор, калий) находятся на почвенных коллоидах, они неподвижны, и подниматься вверх-вниз не могут. Ну поднял ты нитратный азот, так ты же оказываешься «негодяем в квадрате»! Верх обобрал, теперь хочешь обобрать низ, а потом сын твой придет и скажет: «Папа, а что ты мне оставил в наследство? Пустыню?»

Или вот еще пример. В прошлом году на совещании, которое проводил НИИСХ Юго-Востока, выступает заезжий ученый и агитирует: надо сеять сидераты...

Да, я согласен, надо, потому что органики нет, животных ведь всех порезали... Я ждал, что он скажет: «Сидераты – это прекрасно, чтобы гумус, который мы теряем, восполнять». А он что ляпнул-то? Сказал, что у сидератов глубоко залегают корни, и они элементы питания поднимают с нижних слоев наверх. Потом можно сеять, и удобрения вносить не надо. Понимаешь, все хотят низ оборвать, и никто не говорит, что удобрения нужно вносить... А я рассказываю, вот и книжка у меня есть – всем раздаю, читайте – как правильно надо землей заниматься! И вот это интересно мне в моей работе.

В прошлые годы я ездил в Духовницкий район договора заключать. Там в одном из хозяйств получили урожайность 70 центнеров с гектара.

– В каком хозяйстве?

– Да я уже сейчас и не помню... Ты представляешь, какой вынос идет элементов питания при урожайности 60-70 центнеров с гектара?! Если на центнер продукции требуется не меньше 3 килограммов одного из элементов, умножай, вынос огромный получается. Хорошо, в Духовницком районе удобрениями занимаются, поэтому урожайность у них есть. Так же и Сергей Иванович Дзюбан из «Штурма» пускай не весь комплекс минеральных удобрений вносит, но навоз весь в поля везет...

– Я сейчас никого из степняков даже не уговариваю минеральные удобрения куда-то вносить, потому что все отвечает одно и то же: сухо, какой смысл их вообще применять? Какой ты видишь выход?

– Проблема в том, что мы не занимаемся удобрениями в принципе. То, чем мы повально увлечены, – это не удобрения. Это одни подкормки. И вносим один азот, то есть селитру. Весной приехали, разбросали по мерзлой земле, она растаяла – и все дела. Но чтобы удобрения в почву перешли – их надо осенью вносить, как раз в пары. В августе землю следует пролущить, чтобы вредителей уничтожить, затем удобрения внести: фосфорные, азотные, калийные прямо по полю, а потом это все запахать. Ведь влага не накапливается на неспаханном поле, она просто-напросто скатится в овраги. Вода задерживается где? Только в пашне! Там она впитается, и тогда будет влага. Вот в этом выход...

– Значит, ты считаешь, что все эти новомодные течения, червячки всякие...

– Какие червячки?! Василий Кулагин талдычит: «Вот, у меня черви размножаются...» А я иду по обычной пашне, стою кончат – там этих червей – во! Откуда он придумал, что они именно у него в «нуле» размножаются? Их в пашне полно, этих самых червячков, они никакуда не деваются... Там горы этих червей... А влаги-то нету.

Как-то весной в Марковский район приезжаю, культивация идет. Работает КПЕ. Спрашиваю у агронома: «Предпосевная культивация какой должна быть?» Отвечает: «На глубину заделки семян...» Но у тебя культиватор с лапкой на 10 см., а ты еще заглубить ее должен, поверху работать ведь не будешь, вот еще 3-4 сантиметра. Итого получается 15 см. Но это уже вспашка, а не предпосевная культивация. Ты сейчас кислород дал – у тебя сорняк попреет, а ты в этот сорняк посеешь культурное растение... И насколько землю вспахал, насколько настолько высушил...

У меня, например, никогда культиватора не было в полях. Я весной не культивировал. Надо чистить поля так, чтобы ты после озимых заехал в поле и посеял. Мы у себя в хозяйстве после озимых сеяли просо, так сдавали первым классом, я его даже на мехток не возил. Нормально регулировали комбайны, и с поля возили на элеватор, и элеватор его с радостью брал. И ни одного гербицида я не применял, и ни одного пестицида... Потому что сорняка не было, убивать было нечего, а с вредителями надо бороться в пашне... Лучший как положено, и тогда их просто там не будет, этих вредителей.

– Ты сторонник классической системы земледелия, а сколько в Саратовской области твоих единомышленников?

– В основном все озоруют. Я не могу сказать, просто не вижу, кто может заниматься именно классической системой. Даже взять эти пары. Невозможно сейчас классику сделать, если у нас в севообороте 82% подсолнечника. Другой культуры нет, а должен быть ячмень. И у меня в хозяйстве подсолнечник был, но я его в пары не оставлял, всевал туда суданку. И там

было столько падалицы, что всходил подсолнечник и суданка, и я закладывал подсолнечно-суданковый силос. Но никогда эти поля у меня в пар не входили. Потому что после озимых должно быть боронование, мало ли еще какой сорняк выскочит. Мы попеременно еще раз бороуем, прошли – сеялками сеялками и прикатывание. Других агрегатов у меня в хозяйстве никогда не было. Никаких культиваторов весной, тем более в нашей, засушливой, зоне не должно быть.

Я всех приучил по примеру Гамаюнова: когда идет посевная, все бригадиры находятся в поле. В течение всего рабочего дня. Потому что агрегат должен следовать за влагой. Весной испарение огромное, ежесекундно влага уходит вглубь. И ходишь, ковыряешь, где лежит зерно: в сыром или не в сыром? Как только начинает уходить от влажной почвы – заглубляешь. И до тех пор заглубляешь, пока понимаешь: еще чуть-чуть и растение не взойдет. Тогда начинаешь убирать загорodачи, уже сзади шлейфа никакого нет.

И сеять нужно именно в ямку, а каток, который ямку делает, должен идти точно по строчке, потому что, если сдвинется в сторону, зерно засыплется. Поэтому регулировка сеялки – основное занятие специалистов. Для меня дико, когда сейчас приезжаю в хозяйство и вижу, как все сошники в сеялке идут в разбег, маркеров нет. Удивляюсь, как вы работаете – автоматы не выключаются?!

В мои времена агроном весной каждую борону принимал так, словно это не борона, а деталь атомного реактора. Он брал железку и по каждому зубу стучал. Директор кричит: давай ремонтируй комбайны! Какие комбайны? Пока не сделают – никого не выпускают. И вот все крутятся. Бригадир готовит бороны, все запчасти, подшипники, и весь полностью закрепленный за трактором шлейф механизатор делает весной: ставит на колodки, все что ржавеет – мажет, резина убирается в склад, как все сдал – пошел на комбайн. И агроном ходит, принимает каждую сеялку, каждую борону. Идет – тук-тук-тук – не зятянуто – не принимаю, дальше пошел. Пока все не примет, бумажку ему не подпишет, никакую зарплату никто не получит.

Борона должна стоять или активно, или пассивно, потому что если ты, например, убираешь сорняк, то она должна быть в активном положении, то есть она вырывать должна. А когда ты озимые боронуешь, надо меньше вырывать, поэтому ставишь ее в пассивное положение. И если она неправильно у тебя стоит, иди в кузницу, тащи эти зубья, заново перетягивайте...

– Это ж в каком хозяйстве так работали?

– В совхозе «Озинский», у нас было 24 тысячи гектаров пашни, и работать было интересно. Я по 5-6 раз бывал в бригадах, хотя там были специалисты, сам следил, чтобы сеялки чистились, чтобы семена не перемешались. Агрономия – там все очень тонко, и за эти ми делами надо строго следить. Вот тогда будет результат, тогда будет и классное зерно.

– А кто ты по национальности?

– Русский...

– А папа почему на украинской мове размовлял – говорил про Отелло, который душит?

– Да это просто поговорка...

– А откуда ты в Озинках появился?

– Отец у меня из Лысогорского района, из села Небезжино, а мать – озинская, совхоз «Озерский».

– Отец целинником был?

– Отец плотником был, он не целинник, просто женился, переехал к моей матери. А там целина... Так что медаль «За освоение целинных и залежных земель» у него есть.

Беседовала Светлана ЛУКА

ОКОНЧАНИЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ